



Н. А. Корфъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ 923

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

92

БАРОНЪ Н. А. КОРФЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковского.

Съ портретомъ Н. Корфа, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12

1893

Educ 261.7

✓



Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1893 г.

71*2

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
Предисловіе	5
I. Раннее дѣтство	11
II. Школьные годы	16
III. Лицей	21
IV. Въ деревнѣ и на земской службѣ.	28
V. На пользу всего государства	38
VI. Учебно-литературная дѣятельность	43
VII. Заслуги и черная неблагодарность	52
VIII. Пребываніе за-границей	64
IX. Послѣдніе годы дѣятельности	78
X. Заключение	91

И С Т О Ч Н И К И:

- 1) «Записки педагога барона Никол. Александр. Корфа», кн. 3, 4 и 5 «Русской Старины», 1884 г.
- 2) *1,000 писемъ*. Переписка барона Корфа съ 250 лицами.
- 3) «Поездка къ барону Н. А. Корфу», Кашина. №№ 1 и 2 «Современной Лѣтописи», 1871 г.
- 4) «Педагогическіе очерки школъ Александровскаго уѣзда», Д. Д. Семенова. «Народная Школа» (1871—72 годы).
- 5) «Мои воспоминанія», Д. Т. Гнѣдина. «Русское Богатство», кн. 5, 6 и 7, 1893 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Народъ въ государствѣ—это *все*». Политическая формула эта, давно уже получившая повсемѣстное право гражданства, имѣетъ особенное значеніе для насъ, русскихъ, такъ какъ въ Россіи трудовой сельскій классъ составляетъ болѣе 85 процентовъ общаго государственнаго населенія. Думать-же о народѣ, заботиться о его коренныхъ, самыхъ насущныхъ пользахъ и нуждахъ—это значить думать и заботиться прежде всего и главнымъ образомъ объ образованіи народа, такъ какъ именно образованіе служитъ главнымъ импульсомъ всяческаго прогресса въ жизни и основнымъ источникомъ экономическаго роста и благосостоянія.

Для всякаго государства и народа невѣжество массы населенія—самый опасѣйшій его внутренній врагъ, — опаснѣе всѣхъ внѣшнихъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ. Отъ внѣшнихъ враговъ можно защищаться, укрываться. Невѣжество-же, предоставленное естественному своему теченію, остающееся безъ противодѣйствія ему образованіемъ, настойчивымъ просвѣщеніемъ массы населенія,—является силой, разлагающей народъ, какъ бы онъ ни былъ многочисленъ и могучъ физически. Именно подъ вліяніемъ невѣжества, обширнѣйшія многочисленныя древнія государства, вродѣ напримѣръ старинной Туркестанской имперіи, безслѣдно сошли съ исторической арены, не оставивъ послѣ себя въ исторіи культуры человѣчества ровно ничего, кромѣ голаго факта своего существованія. Наоборотъ-же, маленькая Великобританія, съ населеніемъ около 36 милліоновъ человѣкъ (по европейской ея территоріи), въ силу высокаго культурнаго развитія, распространила свои владѣнія буквально на всѣ части свѣта и материки, держитъ въ своемъ подчиненіи не менѣе 400 милліоновъ населенія, и въ ея владѣніяхъ въ полномъ смыслѣ слова никогда не заходитъ солнце, не прекращаются весна и лѣто,—такъ они обширны, распространены по разнымъ географическимъ широтамъ и долготамъ въ полушаріяхъ: западномъ и восточномъ, сѣверномъ и южномъ.

Съ той поры, какъ зародилась у насъ, въ Россіи, культура въ европейскомъ смыслѣ слова, т. е. со временъ Петра Великаго, впервые появилась болѣе или менѣе опредѣленная забота и дума о народномъ образованіи. Начало, положенное этому великому дѣлу при Петрѣ I, получило нѣкоторое развитіе при Екатеринѣ II, но исключительно однако въ законодательномъ отношеніи. Насажденное у насъ Екатериною II крѣпостное право отняло у всей системы государственнаго образованія живое, естественное, благотворное воздѣйствіе его на жизнь и окончательно парализовало всякое проявленіе сколько-нибудь правильнаго развитія народнаго образованія. Это послѣднее получило фактическое и юридическое право бытія лишь въ царствованіе Александра II, послѣ освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ народное образованіе у насъ—дѣло совсѣмъ юное. Въ смыслѣ государственнаго установленія, болѣе или менѣе организованнаго, приведеннаго въ систему и послѣдовательно распространяемаго, оно имѣетъ у насъ, въ Россіи, немного болѣе четверти вѣка. Мало-мальски благоустроенныя народныя школы, хоть отчасти удовлетворяющія педагогическимъ требованіямъ, начали возникать въ провинціальныхъ городахъ и деревняхъ одновременно съ открытіемъ земскихъ учреждений, и преимущественно, если не единственно, благодаря послѣднимъ.

Успѣхи народнаго образованія у насъ выражаются, въ общемъ, въ слѣдующихъ цифрахъ. Изъ десяти дѣтей школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ) начальное образованіе въ предѣлахъ Европейской Россіи едва доступно лишь одному изъ нихъ, значить изъ 100 дѣтей—едва 10 человѣкамъ. Такой ограниченный кругъ дѣтей, которыхъ могутъ обнять собою существующія народныя школы, въ сильной степени парализуетъ благотворное воздѣйствіе образованія на складъ, ходъ и строй сельскаго быта. Ничтожная частица грамотнаго населенія какъ бы тонетъ, растворяется въ общей тьмѣ народнаго невѣжества; мракъ массы населенія нерѣдко заглушаетъ даже и простую грамотность, такъ что бывають случаи *рецидива безграмотности* (возвращенія грамотнаго къ первоначальной безграмотности) въ сельскомъ населеніи.

Таковъ, къ сожалѣнію, законъ «вліянія массы», имѣющій силу не въ одной физической области, но и въ сферѣ нравственной жизни. Именно въ виду непреложности этого закона, люди, искренно преданные дѣлу народнаго образованія, понимающіе главенствующую роль его въ государственной жизни и дѣятельности, при первомъ зарожденіи у насъ регулярныхъ народныхъ школъ, усиленно на-

ставляли и доказывали, что въ этомъ дѣлѣ нельзя останавливаться на полпути, — нельзя затыгивать на безконечно долгое время дѣла, требующаго немедленнаго практическаго осуществленія. И усилія эти не пропадали даромъ. Худо-ли, хорошо-ли, но дѣло народнаго образованія неуклонно подвигалось и подвигалось впередъ, при дружномъ сочувствіи общества, хотя, правда, очень медленно. Былъ моментъ, когда не только въ обществѣ, въ педагогической и общей печати и въ средѣ педагоговъ, но даже и въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о введеніи въ Россіи обязательнаго обученія получилъ было замѣтное движеніе. Въ исходѣ напримѣръ 70-ныхъ годовъ министерство народнаго просвѣщенія дѣятельно и серьезно занималось этимъ вопросомъ. Но затѣмъ—все затихло, и въ послѣднія десять лѣтъ замѣчается даже застой въ дѣлѣ народнаго образованія.

Къ величайшему удивленію, въ этой области дѣятельности, гдѣ въ сущности все такъ просто и ясно по силѣ основного закона (уставъ 1874 года), почему-то смѣшались и перепутались воззрѣнія на задачи и потребности народнаго образованія—самымъ противуестественнымъ образомъ. Если разобраться въ этой сутолокѣ и водоворотѣ крайне разнорѣчивыхъ и совершенно произвольныхъ мнѣній и взглядовъ,—опредѣляются слѣдующія господствующія направленія. По мнѣнію однихъ, для всего сельскаго населенія необходима лишь простая грамотность, но ни въ какомъ случаѣ не начальное образованіе. Другіе, дико придерживаясь взгляда: «просвѣщеніе—вотъ чума», считаютъ совсѣмъ ненужною даже и простую грамотность, и подъ именемъ народнаго образованія не прочь видѣть простое, голое обученіе трудового класса прикладнымъ знаніемъ, наивно полагая въ простотѣ невѣдѣнія, будто-бы осмысленная передача какихъ-бы то ни было прикладныхъ знаній можетъ быть по силамъ совершенно безграмотному населенію. Третьи до сихъ поръ еще не могутъ примириться съ мыслью, что земскія и городскія общественныя учрежденія, а также частныя лица и общества могутъ заботиться о нуждахъ народнаго образованія. На ихъ, слишкомъ ужъ упрощенный, взглядъ, — «на то есть начальство, которое и заботится о насъ». Обязанность-же общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ по ихъ мнѣнію—только давать деньги на народное образованіе, безъ всякаго активнаго участія въ расходованіи ихъ. Наконецъ есть и такіе, которые позволяютъ себѣ открыто проповѣдывать неправоиспособность будто-бы даже и министерства просвѣщенія въ завѣдываніи и руководствѣ народнымъ образованіемъ; будто-бы для Россіи, въ противность всему осталь-

ному образованному міру, никакихъ особенныхъ учительскихъ семинарій, никакихъ специально подготовленныхъ народныхъ учителей—вовсе даже не требуется...

Всѣ эти измышления были-бы только смѣшны и жалки по ихъ нелѣпости, если-бы они не вели къ печальнымъ послѣдствіямъ на дѣлѣ. Смѣшными-же и жалкими они оказываются потому, что какъ основной законъ о народныхъ училищахъ, такъ и всѣ послѣдующія правительственныя распоряженія по этому предмету, до изданія правилъ о церковно-приходскихъ училищахъ (въ 1884 году) включительно, не даютъ никакого повода къ извращенному толкованію узаконеннаго порядка вещей.

Но, повторяемъ, въ сферѣ практической дѣятельности по народному образованію произошла большая путаница понятій, несмотря даже на простоту и ясность основного органическаго закона по этому предмету. Въ результатѣ же такой путаницы проявился значительный застой въ этой отрасли общественной дѣятельности, который особенно остро ощущается именно въ настоящее время. Русскій человѣкъ вообще не твердъ въ пониманіи закона и не устойчивъ на законной почвѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что, въ виду тѣхъ долго уже продолжающихся кривотолковъ о задачахъ и цѣляхъ народнаго образованія, — хотя и вопреки положительному закону о немъ, — даже многія изъ земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, очень сочувственно и энергично относившіяся прежде къ образованію народа, остановились въ нерѣшительности, или даже стали систематически урѣзывать свои расходы на эту первѣйшую, насущнѣйшую жизненную потребность.

Такой прискорбный фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что у насъ успѣла уже народиться даже особаго рода педагогическая литература, такъ сказать, *анти-педагогическаго* свойства, итѣющая дерзость воздвигать даже гоненіе на все, что есть разумнаго въ нашемъ начальномъ обученіи. Это вызываетъ естественное опасеніе, какъ-бы намъ не вступить въ полосу *одичанія* въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ-бы ни началось *огульнаго отрицанія* въ этой области всего рациональнаго, что добыто усиліями человечества и насаждено на родной нашей нивѣ дружными усиліями самоотверженныхъ русскихъ дѣятелей. Истолкователемъ этихъ «отрицательныхъ» вѣяній явился между прочимъ нѣкто Н. Горбовъ въ своихъ «Задачахъ русской народной школы». По его мнѣнію, высказываемому тономъ не пререкаемаго авторитета, но безъ всякихъ доказательствъ, главный недостатокъ существующаго ме-

тогда обученія и воспитанія въ народной школѣ заключается въ усвоеніи нашими педагогами «протестантскихъ взглядовъ», въ силу которыхъ протестантъ «хочетъ слѣдовать только тому, въ чемъ онъ убѣдился доводами разсудка». Принципъ же воспитанія въ духѣ католицизма и православія, — какъ полагаетъ г. Горбовъ, — долженъ заключаться «въ подчиненіи своего существа подъ власть авторитетовъ».

«Это различіе — говоритъ г. Горбовъ — должно рѣшающимъ образомъ вліять какъ на методъ обученія, такъ и на дисциплину, и на всѣ порядки школы... Смотрѣть на ребенка, какъ на существо, которое надо развить и съ которымъ надо обходиться согласно требованіямъ природы; отыскивать въ немъ законъ развитія, которому должно слѣдовать; развивать его способности и силы, преслѣдовать формальныя цѣли обученія; ничего не позволять зубрить, т. е. учить безъ полной сознательности и пониманія; убѣждать ребенка въ истинѣ внутренними доводами... все это — протестантскіе принципы; все это — протестантскій способъ обученія».

Слѣдую такимъ образомъ возвышаемому г. Горбовымъ «православному» методу воспитанія и обученія, оказывается, что при изученіи наприимѣръ четырехъ правилъ ариметики только протестантъ имѣетъ право слѣдовать «доводамъ разсудка»; православный же и католикъ должны принять все на-вѣру, взять памятью, отупляющей зубристикой...

То, что г. Горбовъ такъ самодовольно, съ такимъ самоиѣніемъ возвышаетъ, какъ нѣчто, будто-бы, новое, есть въ дѣйствительности общеизвѣстная, давно отвергнутая за непригодностью *старина*. Методъ, провозглашаемый г. Горбовымъ, это — *иезуитскій методъ* воспитанія и обученія, вѣски проклятый и отвергнутый во всемъ образованномъ мірѣ!... И г. Горбовъ поступилъ по меньшей мѣрѣ слишкомъ опрометчиво, принудавъ тутъ «православіе».

Вотъ что значить пытаться «доходить своимъ умомъ» до того, до чего другіе давнымъ давно уже додумались. Усиливаясь «открыть Америку», г. Горбовъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Никакого specialнаго «протестантскаго способа обученія» конечно нѣтъ и быть не можетъ. Для народовъ всевозможныхъ національностей и вѣроисповѣданій обязательенъ одинъ *индуктивный* методъ обученія, какъ единственно разумный, единственно пригодный для цѣлей обученія и воспитанія, естественно вытекающій изъ психологическихъ особенностей дѣтской натуры, и потому — воспринятый во всемъ мало-мальски образованномъ мірѣ, безъ всякаго различія по вѣроисповѣданіямъ.

Велико-же однако должно быть общественное помраченіе, если оказывается возможнымъ съ такимъ аллобмомъ печатно возвыщать

сумасбродное отрицаніе всего, что есть разумнаго въ дѣлѣ обученія и воспитанія, и совѣтывать возвратъ къ тому недоброму и, слава Богу, далекому уже прошлому, когда ученіе было мученіемъ, когда учили, не воспитывая. Въ виду этого, естественно является потребность оглянуться на все прошлое нашей народной школы—на то, какъ она зарождалась, организовалась и распространялась, такъ какъ во всемъ этомъ есть разумная законность, причинность и цѣль.

Говорить-же объ этомъ—значить говорить о баронѣ Николаѣ Александровичѣ Корфѣ, какъ первомъ насадителѣ и распространителѣ у насъ нормальной народной школы, въ томъ именно видѣ ея, который впослѣдствіи и узаконенъ правительствомъ, — какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей въ области именно народнаго образованія. Сынъ обрусѣвшаго остзейца, аристократъ по происхожденію и воспитанію, баринъ по привычкамъ и состоянію, располагая знатнымъ родствомъ и огромными связями, онъ однако не пошелъ открытою передъ нимъ дорогою почестей, знатности, крупныхъ отличій и чиновъ, громкихъ и видныхъ должностей, а скромно и самоотверженно отдался совѣмъ новой въ его время и вовсе не замѣтной роли организатора народной школы, или иначе—разумнаго первоначальнаго обученія. На этомъ скромномъ, но очень важномъ въ государственномъ отношеніи поприщѣ дѣятельности баронъ Н. А. Корфъ еще при жизни стяжалъ громкую и почетную извѣстность отъ края-до-края Россіи и блестяще вписалъ свое имя на страницахъ исторіи нашего отечественнаго народнаго образованія, составляющаго основу всего просвѣтительнаго дѣла въ государствѣ.

Раннее дѣтство.

Скитальческая жизнь. — Смерть матери. — Жизнь въ домѣ *мачихи*. — Двухлѣтнее пребываніе въ Воронежской губерніи и благотворное вліяніе его. — Годичное пребываніе въ Новгородѣ, въ домѣ отца. — Нравственный образъ Корфа-отца. — Круглое сиротство и общій итогъ ранней дѣтской поры.

Очень неблагоприятно сложилось раннее дѣтство барона Николая Александровича Корфа и протекло въ высшей степени своеобразно. Въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, отъ двухъ до 10-ти лѣтъ, онъ вынужденъ былъ вести поистинѣ скитальческую жизнь, побывавъ въ этотъ промежутокъ времени въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Москвѣ, Воронежской губерніи, Новгородѣ, Лифляндской губерніи и Петербургѣ. Такимъ образомъ онъ былъ лишенъ того, что называется *родиною* въ строгомъ смыслѣ слова. Это однако не отразилось вредно на его воспитаніи, на которое вліяютъ не только семья и школа, но и вся вообще житейская обстановка. Эта же послѣдняя была милостива къ маленькому барону, пощадивъ въ немъ душевную и тѣлесную чистоту, внушивъ ему высокое патристическое чувство и горячую любовь къ русскому народу.

«Житейская обстановка», въ виду исключительныхъ условій ранней дѣтской поры барона Корфа, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Разобраться въ ней помогаетъ самъ баронъ Корфъ, оставившій «Посмертныя записки», напечатанныя въ III, IV и V книжкахъ «Русской Старины» за 1884 годъ (подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго»), но доведенныя къ сожалѣнію авторомъ ихъ лишь до окончанія имъ курса въ Александровскомъ лицѣѣ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ родился въ Харьковѣ 2 гоіюля 1834 года. Отецъ его, Александръ Федоровичъ Корфъ, былъ изъ остзейскихъ дворянъ, но совершенно обрусѣвшій; онъ получилъ образованіе въ «Лицейскомъ пансіонѣ», бывшемъ въ ту пору самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, и женился на малороссіянкѣ,

получивъ за нею въ приданое помѣстье Нескучное, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Маленькому Колѣ едва исполнилось около года, какъ мать его умерла, такъ что у него не сохранилось никакихъ воспоминаній о материнскихъ попеченіяхъ, о ласкахъ матери. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, отецъ его вступилъ во второй бракъ, мотивируя такой шагъ передъ своими родными желаніемъ, чтобы осиротѣвшій Коля не былъ лишенъ материнскаго ухода. Случилось-же однако совсѣмъ наоборотъ.

Въ своихъ «Запискахъ» баронъ Н. А. Корфъ ничего не говоритъ непосредственно о мачихѣ; но все то, что рассказываетъ онъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ, доказываетъ, что второй бракъ отца внесъ въ домъ большой разладъ, и маленький Коля былъ не любимъ мачихою. Помимо отца, очень любившаго его и оставившаго въ немъ свѣтлую и признательную память, мальчикъ имѣлъ еще вѣрнаго и преданнаго друга въ лицѣ няни своей, Елены Ивановны Альберти, принявшей его груднымъ младенцемъ отъ матери и воспитывавшей до шестилѣтняго возраста. Эта уроженка города Риги была не дюжинною личностью. Она научила своего питомца читать по-русски и по-нѣмецки, познакомила его съ начатками христіанской вѣры въ формѣ бесѣдъ о Христѣ и съ увлеченіемъ обучала русскимъ пѣснямъ. Вся дворовая прислуга въ домѣ отца, которой также приходилось терпѣть отъ второй его жены, особенно бережно и любовно относилась къ маленькому Колѣ, какъ сироткѣ, прославляя предъ нимъ память его покойной матери. Тѣмъ не менѣе положеніе ребенка на глазахъ мачихи было настолько не нормально, что не исполнилось еще Колѣ шести полныхъ лѣтъ, какъ отецъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ удалить его изъ дому для его-же пользы.

Маленькаго Колю, успѣвшаго уже пожить до этого времени въ Екатеринославѣ и находившагося тогда въ Москвѣ, гдѣ жилъ его отецъ по вступленіи во второй бракъ,—увезла съ собою въ Воронежскую губернію родная его тетка, сестра матери, Татьяна Тимоеевна (также Корфъ по мужу). Эта умная женщина, вдовая уже, имѣвшая двоихъ дѣтей (сына и дочь), такъ серьезно относилась къ ихъ воспитанію, что ради этой цѣли переехала на житье изъ своего родового помѣстья Погрома въ сосѣднее съ нимъ помѣстье Волчье, принадлежавшее Д. Д. Градовскому, отцу покойнаго профессора и публициста, гдѣ домашнее обученіе было поставлено на широкую ногу и организовано замѣчательно умно. Въ домѣ Градовскаго, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ, была организована регулярная «семейная школа», съ должнымъ штатомъ преподавателей и строго установленной про-

граммой обученія. Въ этой школѣ, кромѣ двухъ дѣтей Градовскаго, обучалось еще пятеро дѣтей его сосѣдей. Главою и душою школы былъ самъ Градовскій, относившійся къ чужимъ дѣтямъ совершенно такъ-же, какъ къ своимъ роднымъ. Для той отдаленной эпохи (т. е. начала 40-ыхъ годовъ) серьезное, сознательное отношеніе къ домашнему обученію было большою рѣдкостью.

Съ восторгомъ воспоминаетъ баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» о времени, проведенномъ имъ въ Воронежской губерніи, у тетюшки Татьяны Тимофеевны Корфъ, и въ Волчьемъ, т. е. въ школѣ Д. Д. Градовскаго. Это—самая счастливая, яркая и радужная пора во всемъ его дѣтствѣ. За время пребыванія въ этомъ уголкѣ Малороссіи, въ которой находилось также и родовое его помѣстье Нескучное, онъ не только сжился, сроднился съ Малороссією, но, можно даже сказать,—*приросъ* къ селу. Во всю послѣдующую пору школьнаго его ученія, село вообще и Малороссія въ частности были цѣлью его стремленій, его мечтою. Куда ни забрасывала его капризная судьба въ дѣтскомъ, отроческомъ и юношескомъ возрастѣ,—село неотступно было передъ нимъ, и онъ постоянно лелѣялъ мечту сдѣлать что-нибудь полезное и разумное въ родномъ своемъ имѣніи.

Такую привязанность къ сельской жизни породили тѣ замѣчательно благопріятныя условія, въ которыхъ онъ находился, живя и учась въ помѣстьѣ Градовскаго. Тамъ не морили надъ книгою, не угнетали физической и духовной природы дѣтей ученіемъ. Въ лѣтнюю на примѣръ пору, продолжающуюся на югѣ мѣсяцевъ семь, дѣти проводили надъ книгою не болѣе четырехъ часовъ, занимаясь остальное время на дворѣ, въ саду, лѣсу, полѣ, на лугу. Такая постановка занятій, какъ нельзя болѣе благопріятная въ физическомъ отношеніи, воспитывала характеръ, развивала наблюдательность, самостоятельность и самостоятельность. Въ распоряженіе дѣтей были предоставлены всевозможныя удовольствія, какъ-то: уженъе рыбы, купанье, верховая ѣзда, обработка собственныхъ грядъ и проч. Кромѣ того почти каждый изъ дѣтей имѣлъ своихъ ручныхъ кроликовъ, перепеловъ, жеребятъ и пр.

Къ этому нужно прибавить еще роскошныя условія окружающей природы, со степнымъ привольемъ, садомъ, лѣсомъ, лугами и рѣкою. Не послѣднюю роль конечно играло и кормленіе на славу, какъ и подобало прежней «житницѣ Россіи», до сихъ поръ еще славящейся своею кукурузою, тыквенною кашею, варениками, варенцомъ и арбузами, такими сочными, что ихъ можно ѣсть не

Т. Т. Корфъ и въ семьѣ Д. Д. Градовскаго получилъ главнымъ образомъ закуску коренного русскаго домашняго воспитанія, причѣмъ конечно не послѣднюю роль играли и богатая кутья наканунѣ Рождества, и торжественная встрѣча Пасхи.

Отзываясь съ большою похвалою о семейной школѣ Градовскаго, ея порядкахъ и учителяхъ, Н. А. Корфъ съ особенной любовью и признательностью останавливается на личности швейцарца Вешра, какъ талантливаго педагога. Этотъ добрый, умный, живой и разносторонне свѣдущій руководитель былъ не только хорошимъ преподавателемъ французскаго языка, но и воодушевленнымъ товарищемъ дѣтскихъ игръ, разнаго рода занятій на свѣжемъ воздухѣ и затѣй. Нисколько не въ ущербъ престижу учителя и воспитателя, Вешра умѣлъ быть ребенкомъ съ дѣтьми, не чуждался даже строить вмѣстѣ съ ними мельницы на ручьяхъ, не упуская однако случая сообщать имъ при этомъ и разныя полезныя свѣдѣнія, но умѣя не надобдѣть своими поученіями. Понятно, что у такого преподавателя знаніе французскаго языка само собою переливалось въ дѣтей, и Коля, въ придачу къ русскому и нѣмецкому языкамъ, овладѣлъ еще и французскимъ.

Благопріятныя условія воспитанія въ семьѣ Градовскаго, особенно-же грандіозныя картины южно-русской природы, съ ея величавостью и ширью, съ ея табунами въ 500 лошадей,—оставили въ душѣ ребенка неизгладимый слѣдъ на всю жизнь. Эта пора жизни была особенно благопріятна для маленькаго Коли еще и въ томъ отношеніи, что тетка, на попеченіи которой онъ находился, какъ сестра покойной его матери, невольно воплощала въ себѣ образъ послѣдней,—и ребенокъ не чувствовалъ своего сиротства.

Къ сожалѣнію, только два года продолжался этотъ розовый періодъ въ жизни Коли, съ 6-ти до 8-ми лѣтъ. Совершенно неожиданно пріѣхалъ его отецъ и увезъ съ собою въ Новгородъ, гдѣ онъ состоялъ тогда управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ. Мальчикъ очень любилъ отца, сильно обрадовался его пріѣзду, но тѣмъ не менѣе со слезами оставилъ школу Градовскихъ. Жить ему въ отцовскомъ домѣ было тяжело. Въ его отсутствіи умеръ вѣрный и преданный другъ его, няня Альберти, такъ что, кромѣ самого отца, въ семьѣ не было для него близкаго человѣка. Своихъ сестеръ, т. е. дочерей отца отъ второго брака, онъ почти совершенно не зналъ. Его поселили въ отдѣльномъ флигелѣ съ нѣмцемъ гувернеромъ. Этотъ послѣдній сильно подвинулъ его впередъ въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ что 9-ти лѣтъ отъ роду Коля съ восторгомъ пропѣвалъ Робинзона Крузо въ нѣмецкомъ изложеніи